

A romantic couple in a gallery. The woman, with dark hair and wearing a red velvet dress, holds a professional camera. The man, with dark hair and a beard, is dressed in a black shirt and leans in to kiss her neck. In the background, a statue is visible in a gallery setting.

ИГРА *на* ГРАНИ

ВАЛЕНТИНА КЛЁСТЕР

Валентина Клёстер

Игра на грани.

<https://litres.ru/74400897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический роман о притяжении, которое начинается с вызова и превращается в опасно близкую игру между контролем и доверием.

Фотограф Светлана Горская привыкла сама определять границы. Глеб Лебедев привык видеть людей насквозь и никогда не отдавать контроль. Их встреча должна была остаться всего лишь работой — серией снимков для закрытого арт-проекта.

Но чем меньше между ними расстояние, тем сложнее понять, где заканчивается игра и начинается настоящее чувство.

Ревность, тайны, чужое вмешательство и слишком личные фотографии заставят их сделать главный выбор: защищаться друг от друга — или рискнуть и позволить себе настоящую близость.

****История о любви, которая начинается не со слова «принадлежать», а со слова «доверять».****

Содержание

Глава 2. Игра с объективом	25
Глава 4. Первое прикосновение	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Валентина Клёстер

Игра на грани.

ЧАСТЬ I

ИСКРА И КОНТРАСТЫ

Глава 1. Перспективный кадр

Светлана Горская не любила снимать людей, которые слишком хорошо знали, как выглядят со стороны.

В них всегда было что-то искусственное.

Чуть точнее повернутая голова. Чуть раньше появившаяся улыбка. Взгляд, рассчитанный на объектив прежде, чем фотограф успевал нажать кнопку затвора. Они не позволяли камере увидеть себя — только ту версию, которую заранее подготовили для мира.

Светлана считала это профессиональной скукой.

Глеб Лебедев оказался именно таким человеком.

По крайней мере, так она решила в первые тридцать секунд.

Он стоял у окна своего кабинета на последнем этаже старинного особняка в центре Москвы и смотрел на вечерний город так, словно половина огней за стеклом принадлежала лично ему.

Впрочем, зная, кто перед ней, Светлана не стала бы удивляться, если бы несколько зданий действительно принадле-

жали.

Высокий. Темноволосый. Без галстука.

Белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, темные брюки, часы без демонстративной роскоши. Никаких кричащих брендов, никаких украшений, никаких деталей, которые должны были сообщать о деньгах.

Именно поэтому деньги в нем ощущались особенно отчетливо.

Он повернулся только тогда, когда дверь за Светланой бесшумно закрылась.

Его взгляд сначала скользнул по ее лицу, затем опустился к кофру с техникой и снова вернулся к глазам.

Не оценивающе.

Хуже.

Внимательно.

— Светлана Горская?

Она поставила кофр с камерой на кресло.

— Судя по тому, что меня пропустили через три двери и два поста охраны, надеюсь, вы ждали именно меня.

Уголок его губ дрогнул.

Не улыбка.

Скорее реакция человека, который услышал нечто чуть более интересное, чем ожидал.

— Уже лучше, чем мне обещали.

Светлана сняла перчатки.

— А что вам обещали?

— Очень талантливого фотографа. Очень закрытого человека. И женщину, которая ненавидит, когда ей говорят, что делать.

Она медленно расстегнула пальто.

— Последнее бесплатно входило в рекомендации?

— Последнее я понял сам.

Светлана посмотрела на него внимательнее.

Теперь уже профессионально.

Так она всегда рассматривала потенциальную модель: форма лица, посадка глаз, движение плеч, привычная позиция тела, слабые и сильные стороны света.

Но Глеб словно почувствовал это.

И не изменил позы.

Не выпрямился.

Не втянул живот.

Не сделал лицо выразительнее.

Просто позволил ей смотреть.

Это раздражало.

Обычно люди, замечая ее взгляд, начинали играть.

Он не играл.

Или делал это намного лучше остальных.

— Хотите кофе? — спросил Глеб.

— Нет.

— Чай?

— Тоже нет.

— Воду?

— Я не на собеседовании.

— А разве нет?

Светлана слегка прищурилась.

— Я думала, вы хотите нанять меня.

— Одно другому не мешает.

— Обычно перед собеседованием хотя бы предупреждают.

— Тогда вы бы подготовились.

Он отошел от окна.

— А мне хотелось увидеть вас без подготовки.

Светлана едва заметно усмехнулась.

— И как?

— Пока интересно.

— Рада пройти первый этап вашего кастинга.

— Вы постоянно защищаетесь иронией?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы постоянно пытаетесь анализировать людей, едва познакомившись?

— Только тех, кто мне любопытен.

Ненужная пауза.

Всего одна секунда.

Но Светлана ее почувствовала.

Так же ясно, как чувствовала яркий пересвет в кадре.

Она сняла пальто и положила его на спинку кресла.

Черный брючный костюм, тонкая водолазка цвета графита, волосы собраны в низкий пучок. Ничего лишнего.

Никаких украшений, кроме маленьких серебряных сережек.

Ева перед выходом сказала, что Светлана собирается на встречу с одним из самых заметных мужчин Москвы так, будто идет фотографировать налоговую инспекцию.

Светлана ответила, что именно так и должна выглядеть женщина, которая не намерена становиться частью чужого интерьера.

Теперь она была особенно благодарна себе за этот выбор.

Глеб Лебедев владел несколькими галереями и сетью закрытых арт-клубов, о которых в светской Москве говорили с той особенной интонацией, когда никто точно ничего не знает, но каждый хочет попасть внутрь.

Его имя появлялось рядом с именами художников, коллекционеров, актеров, режиссеров, политиков.

И женщин.

Особенно женщин.

Светлана знала об этом ровно столько, сколько хотела знать.

То есть достаточно, чтобы никогда не проявлять любопытства вслух.

— Мне сказали, вам нужна серия для нового проекта, — произнесла она.

— Нужна.

Глеб подошел к длинному столу из темного дерева.

На нем лежали несколько папок, планшет, стеклянная

пепельница без единого следа использования и аккуратная стопка фотографий.

Он развернул перед ней отпечатки.

Полутени.

Фрагменты тел.

Шея женщины.

Мужская ладонь.

Обнаженное плечо.

Спина, пересеченная узкой полосой света.

Лицо мужчины, отраженное в затемненном зеркале.

Женская кисть на черной ткани.

Ничего откровенного.

И именно поэтому почти всё казалось интимным.

Светлана медленно перелистала изображения.

Некоторые были сильными.

Некоторые — слишком очевидными.

На одном снимке ее взгляд задержался.

Женщина стояла спиной к камере. Плечи открыты. Голова слегка опущена. В кадре не было лица, но в напряжении шеи ощущалось столько уязвимости, что фотография почти причиняла физический дискомфорт.

— Автор? — спросила Светлана.

— Я.

Она подняла глаза.

— Вы фотографируете?

— Нет.

— Тогда как вы можете быть автором?

Глеб подошел ближе.

Не настолько, чтобы нарушить приличия.

Но достаточно, чтобы она заметила запах его парфюма.

Холодный.

Древесный.

С чем-то терпким и едва горьким.

— Я придумал, что человек должен почувствовать, глядя на снимок.

— Это называется заказчик.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Не позволяете собеседнику победить хотя бы в одном предложении.

Светлана провела пальцем по краю отпечатка.

— Я не знала, что мы соревнуемся.

— Теперь знаете.

Она посмотрела на него.

— Вы всегда объявляете правила после начала игры?

— Только когда вижу, что второй участник уже играет.

За окнами медленно темнело.

Старинный особняк стоял на тихой улице, но сквозь огромные окна было видно движение города: пробки, красные огни машин, мокрый асфальт, отражающий фонари.

Москва за стеклом казалась частью декорации.

Слишком красивой, чтобы быть настоящей.

Глеб собрал фотографии.

— Я открываю новую галерею.

— Еще одну?

— Эта будет другой.

— Все владельцы новых галерей говорят это.

— Но не все могут себе позволить, чтобы это оказалось правдой.

Светлана усмехнулась.

— Скромность входит в концепцию?

— Нет.

— Уже заметила.

Он проигнорировал выпад.

— Проект называется «Граница».

— О чем?

— О моменте, когда человек перестает изображать себя и становится собой.

Светлана вновь посмотрела на отпечатки.

— Красиво сформулировано.

— Вам не нравится?

— Мне не нравится слово «становится».

— Почему?

— Человек и так собой является.

Глеб оперся ладонью о край стола.

— Даже когда лжет?

Светлана посмотрела на него.

— Особенно когда лжет.

Впервые за время разговора Глеб замолчал.

Это продолжалось всего секунду.

Но она успела заметить перемену.

Ему понравился ответ.

И почему-то это обеспокоило сильнее, чем если бы он сделал ей комплимент.

— Объясните, — сказал он.

— Ложь тоже выбор.

— И?

— И человек сам выбирает, что скрыть, кого обмануть и почему. Иногда ложь рассказывает о нем больше правды.

— Значит, вы считаете притворство искренним?

— Я считаю, что притворство тоже имеет причину.

— И ваша камера эту причину видит?

Светлана чуть наклонила голову.

— Иногда.

— А если человек не хочет показывать?

— Тогда я не снимаю.

— Почему?

— Потому что хорошая фотография не требует насилия.

Глеб медленно провел большим пальцем по краю одной из карточек.

— Интересный принцип.

— Почему?

— Потому что лучшие изображения часто рождаются в момент сопротивления.

— Соппротивление и отсутствие согласия — разные вещи.
Его глаза чуть изменились.

Совсем немного.

Но Светлана заметила.

— Хорошее замечание.

— Не замечание. Условие.

Он поднял бровь.

— Уже ставите мне условия?

— Я всегда ставлю условия заказчикам.

— Всем?

— Особенно тем, кто привык покупать возможность их не слушать.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Без насмешки.

Коротко.

И неожиданно тепло.

Это почему-то оказалось хуже его самоуверенности.

Светлана отвела взгляд к фотографиям.

— Что конкретно вы хотите получить?

Глеб выдвинул один из отпечатков вперед.

— Двенадцать работ.

— Портреты?

— Не совсем.

Он отошел к полке и взял тонкую папку.

— Мне нужны люди, которых мы привыкли видеть защищенными.

— Чем?

— Одеждой. Деньгами. профессией. известностью. статусом. сексуальностью. репутацией.

— И вы хотите снять защиту.

— Да.

— Вы хотите раздеть их?

— Нет.

Он смотрел прямо на нее.

— Раздеть человека гораздо проще.

Несколько мгновений они молчали.

Светлана отвела взгляд первой.

Это ее разозлило.

Она всегда считала себя человеком, который способен спокойно смотреть кому угодно в глаза.

Глеб не делал ничего особенного.

Не приближался.

Не давил голосом.

Не приказывал.

Но в его внимании было что-то почти физическое.

Как будто он не просто слышал ответы, а ждал момента, когда она ошибется на полтона.

— Почему я? — спросила Светлана.

— Потому что ваши фотографии неудобные.

Она нахмурилась.

— Это комплимент?

— Лучший, который я могу сделать.

Он достал из папки несколько ее работ.

Светлана удивленно посмотрела.

Серия, снятая четыре года назад.

Пожилая балерина перед зеркалом.

Актер после спектакля.

Молодая женщина в больничном коридоре.

Мужчина в дорогом костюме, сидящий ночью на кухне.

Некоторые снимки давно не выставлялись.

— Откуда это у вас?

— Я умею искать.

— Это звучит не слишком успокаивающе.

— Не стремился успокоить.

Он положил перед ней фотографию балерины.

— Вот эта.

Светлана посмотрела.

— Что с ней?

— Вы сняли ее красивой.

— Она красивая.

— Нет.

Он указал на лицо женщины.

— Вы сняли ее человеком, который боится перестать быть красивым.

Светлана замерла.

Он попал точно.

И ей это не понравилось.

— Что еще вы нашли обо мне?

— Достаточно.

— Не люблю такие ответы.

— А какие любите?

— Конкретные.

— Хорошо.

Глеб спокойно перечислил несколько выставок, наград, публикаций.

Потом назвал мастерскую, где она начинала.

Сказал, что дважды покупал ее работы через посредников.

Светлана медленно подняла глаза.

— Дважды?

— Трижды.

— Вы коллекционируете мои фотографии?

— Не только ваши.

— Успокаивает.

— Солгали.

— Что?

— Вас это не успокаивает.

Она сложила руки на груди.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто уже знаете, что человек чувствует.

— Иногда это удобно.

— Иногда ошибаетесь.

— Конечно.

Он приблизился еще на полшага.

— Например, сейчас я не уверен.

— В чем?

— Вы злитесь, потому что я слишком много о вас знаю?

Пауза.

— Или потому что вам приятно, что я настолько интересовался вашей работой?

Светлана почувствовала легкое тепло под воротником.

Проклятье.

— Возможно, вы просто слишком высокого мнения о себе.

— Это тоже вариант.

— Самый вероятный.

— Тогда почему вы покраснели?

Она посмотрела на него так холодно, как только могла.

— В комнате жарко.

— Хорошо.

— Неужели спорить не будете?

— Я умею быть великодушным.

— Это почти невыносимо.

— Мне говорили.

Светлана закрыла папку.

— Сколько времени?

— Месяц.

— Бюджет?

Глеб назвал сумму.

На этот раз она не смогла мгновенно сохранить невозмутимость.

— Это почти вдвое выше моей ставки.

— Знаю.

— Зачем?

— Потому что хочу, чтобы вы не думали ни о чем другом.

— Опасная формулировка.

— Почему?

Светлана скрестила руки.

— Обычно мужчины, которые говорят женщине, что хотят, чтобы она ни о чем другом не думала, имеют в виду совсем не работу.

В кабинете стало тихо.

Глеб слегка наклонил голову.

Теперь улыбка исчезла.

И впервые Светлана отчетливо поняла, насколько красивым он может быть, когда перестает изображать легкость.

Не правильным.

Не фотогеничным.

Опасно живым.

— А вы всегда заранее решаете, чего хочет мужчина?

— Только когда он слишком уверен, что знает, чего хочу я.

Он подошел еще на шаг.

Между ними осталось чуть больше метра.

Достаточно.

Но слишком мало для незнакомых людей.

— Я пока не знаю, чего вы хотите, Светлана.

Она ощутила странное напряжение где-то под ребрами.

Не страх.

Не смущение.

Что-то гораздо менее удобное.

Ожидание.

Она ненавидела ожидание.

В нем всегда слишком мало контроля.

— Вот и прекрасно.

— Но мне любопытно.

Светлана взяла папку с материалами.

— Любопытство — плохое основание для рабочего договора.

— Иногда лучшее.

— Для катастрофы — возможно.

— Вы боитесь катастроф?

Она посмотрела на него.

— Я предпочитаю планировать их заранее.

— Тогда мы определенно сработаемся.

— Не будьте так уверены.

— Поздно.

Она подняла пальто.

— Я подумаю.

— Вы согласитесь.

Светлана остановилась.

Не обернулась.

— Это была попытка приказать?

— Нет.

Голос Глеба звучал спокойно.

— Перспективный прогноз.

Она все-таки посмотрела назад.

— Вы слишком уверены в себе, Глеб.

— А вы слишком заинтересованы, чтобы отказаться.

Ее пальцы сильнее сжались на папке.

Хотелось ответить.

Резко.

Точно.

Так, чтобы последняя фраза осталась за ней.

Но Светлана ничего не сказала.

И это разозлило ее еще сильнее.

Она вышла в коридор.

Мягкий свет.

Темное дерево.

Тишина.

Та же охрана.

Те же двери.

Но теперь почему-то казалось, что она покидает здание уже не тем человеком, который вошел сюда сорок минут назад.

Лифт ехал медленно.

Слишком медленно.

Светлана посмотрела на свое отражение в зеркальной стене.

Лицо спокойное.

Плечи прямые.

Ничего необычного.

Но пальцы продолжали сжимать край папки.

— Глупость, — тихо сказала она своему отражению.

Двери лифта открылись.

На улице моросил мокрый февральский снег.

Москва шумела, сигналили машины, люди спешили к метро, светились витрины ресторанов.

Обычный вечер.

Светлана пошла к машине и только через несколько шагов заметила, что улыбается.

Она мгновенно перестала.

Телефон завибрировал в кармане.

Ева.

«Ну? Как прошел твой великий светский кастинг?»

Светлана посмотрела на экран.

Напечатала:

«Самодовольный. Невыносимый. Уверен, что знает всех лучше, чем они сами».

Через несколько секунд пришел ответ:

«Красивый?»

Светлана закатила глаза.

«Это не имеет отношения к работе».

Ответ появился почти мгновенно.

«Значит, красивый».

Она убрала телефон.

Дошла до автомобиля.

Открыла дверь.

Но не села.

Почему-то посмотрела вверх.

Окна последнего этажа были почти неразличимы среди десятков других.

Она не могла знать, в каком именно находился его кабинет.

И все же на секунду возникло совершенно нелепое ощущение, что Глеб все еще смотрит на нее.

Светлана села за руль.

Положила папку на пассажирское сиденье.

На верхнем листе был напечатан логотип галереи.

«ГРАНИЦА».

Она провела пальцем по буквам.

Месяц работы.

Двенадцать кадров.

Огромный гонорар.

Проект, который мог стать одним из главных в ее карьере.

Это были совершенно достаточные причины согласиться.

Рациональные.

Профессиональные.

Безопасные.

Светлана завела двигатель.

И только тогда призналась себе в единственном обстоятельстве, которое никак не вписывалось в этот список.

Ей хотелось снова увидеть Глеба Лебедева.

Не его проект.

Не галерею.

Не фотографии.

Его.

И именно это стало первым, что ей в нем по-настоящему не понравилось.

Могу сохранить именно такой объем и стиль для всех следующих глав: каждая будет полноценной, с более глубокими диалогами, атмосферой и постепенным усилением страсти и конфликта.

Глава 2. Игра с объективом

Через три дня Глеб Лебедев стоял перед ее камерой.

Светлана смотрела на него через видоискатель и думала, что в обычной жизни человек выглядит совсем не так, как в объективе.

Камера всегда что-то отнимает.

Объем.

Запах.

Температуру кожи.

Манеру двигаться.

Едва заметные изменения дыхания.

И в то же время добавляет то, чего собеседник может не заметить вовсе.

Лишнюю секунду во взгляде.

Напряжение пальцев.

Почти неуловимое движение губ.

То, как человек держит плечи, когда уверен в себе.

И то, как они меняются, когда уверенность становится маской.

С Глебом все было сложнее.

Объектив словно ничего у него не отнимал.

Наоборот.

Делал опаснее.

— Подбородок чуть ниже.

Он повиновался.

Без комментариев.

Светлана сделала кадр.

Щелчок затвора коротко разрезал тишину.

— Еще.

Глеб опустил голову на несколько миллиметров.

— Вы уверены?

Светлана оторвалась от видеоискателя.

— Пока камера у меня, уверена я.

Глеб улыбнулся.

— Наслаждайтесь.

Она снова посмотрела в объектив.

— Не провоцируйте фотографа.

— Даже не начинал.

Щелчок.

— Это было предупреждение.

— А я воспринял как приглашение.

Светлана медленно опустила камеру.

Он стоял у черного фона, совершенно спокойно выдерживая ее взгляд.

Темный пиджак.

Белая рубашка.

Руки свободно опущены.

Никакой специально выбранной модельной позы.

И все равно выглядел так, словно пространство вокруг него было выстроено именно для него.

Это раздражало.

Студия принадлежала Светлане уже почти четыре года.

Высокий потолок.

Белые стены.

Черная циклорама в дальнем углу.

Большие окна, сейчас почти полностью закрытые плотными шторами.

Два источника импульсного света.

Стойки.

Отражатель.

Стол с объективами.

Кофемашина, которую Ева когда-то назвала единственным предметом роскоши в этой комнате.

Все здесь было знакомым.

Предсказуемым.

Подчинялось ей.

Именно поэтому Светлана отказалась проводить первую съемку в одном из клубов Лебедева.

Глеб предложил это будто между прочим.

Большой зал.

Закрытый этаж.

Любое оборудование.

Любой свет.

Любая команда.

— Нет, — ответила она.

— Почему?

— Потому что фотограф выбирает территорию.

— Это правило?

— Мое.

Он согласился слишком легко.

Теперь Светлана начинала понимать почему.

Глеб не пытался контролировать пространство.

Он просто входил в него — и каким-то образом заставлял остальных учитывать его присутствие.

Он умел подчиняться так, что это больше походило на уступку короля.

Светлана поправила настройки камеры.

— Повернитесь немного вправо.

Он повернулся.

— Плечо назад.

Выполнил.

— Не улыбайтесь.

— Я и не улыбался.

— Вы собирались.

— Вы уже читаете мысли?

— Только плохие намерения.

— И много нашли?

Она нажала кнопку затвора.

— Пока достаточно.

Несколько вспышек.

Светлана посмотрела на экран камеры.

Кадр был хорош.

Слишком хорош.

Строгий профиль.

Холодный свет по скуле.

Белая рубашка выделяется из черного пространства.

Легкая тень у глаза.

Но чего-то не хватало.

Светлана снова подняла камеру.

— Снимите пиджак.

Глеб не отвел взгляда.

Медленно расстегнул пуговицу.

Снял.

Положил пиджак на спинку кресла.

— Так?

— Рукава.

— Что с ними?

— Закатайте.

Он начал медленно подворачивать манжету.

Раз.

Еще раз.

Светлана совершенно машинально следила за движением его рук.

Длинные пальцы.

Часы.

Выступающие сухожилия.

Она резко перевела взгляд на экран камеры.

— Часы снимите.

Глеб посмотрел на запястье.

— Почему?

— Отвлекают.

— От чего?

— От кадра.

— Значит, все-таки что-то отвлекает.

Светлана подняла глаза.

— Глеб.

— Молчу.

Он снял часы и положил их рядом с пиджаком.

Светлана сделала несколько кадров.

— Рубашка?

Он произнес это настолько спокойно, будто речь шла о еще одном аксессуаре.

Она задержала взгляд на нем чуть дольше необходимого.

— Что рубашка?

— Снимать?

— Расстегните две пуговицы.

Глеб посмотрел вниз на уже расстегнутый ворот.

— Еще две?

— Да.

Он выполнил.

Не торопясь.

Светлана почти физически ощутила, что движение сделано медленнее, чем нужно.

— Только две? — спросил он.

— Не испытывайте мое терпение.

— Я думал, мы исследуем границы.

Она подняла камеру.

— Ваши.

Глеб замер.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Вспышка.

На экране появилась фотография.

Открытый ворот.

Тень между ключицами.

Резкий свет по одной стороне лица.

Темная вторая половина.

Светлана приблизила изображение.

Вот.

Уже ближе.

Но все еще слишком собранный.

Слишком контролируемый.

— О чем вы думаете? — спросила она.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Что это профессиональный вопрос?

— Да.

— Тогда о работе.

— Лжете.

— Вы же говорили, что ложь тоже многое рассказывает о

человеке.

Она невольно улыбнулась.

Он запомнил.

— Отлично. Тогда продолжайте лгать.

— С удовольствием.

Светлана сделала еще кадр.

Глеб посмотрел прямо в объектив.

И в этот момент что-то изменилось.

Не поза.

Не свет.

Взгляд.

Светлана инстинктивно задержала дыхание.

Через линзу камеры возникло странное ощущение, будто это не она наблюдает за ним.

А он — за ней.

Объектив вдруг перестал быть защитой.

Она обычно любила это тонкое стекло между собой и человеком.

Камера давала право смотреть.

Изучать.

Замечать.

Не объясняя собственного интереса.

Но сейчас эта привилегия словно исчезла.

Глеб смотрел точно в линзу.

Не позировал.

Не играл с камерой.

Он смотрел сквозь нее.

На нее.

Светлана нажала кнопку.

Еще раз.

И еще.

— Не меняйте взгляд.

— Какой именно?

— Такой.

— Какой?

Она опустила камеру.

— Вы прекрасно понимаете.

— Хочу услышать.

— Нет.

Глеб чуть улыбнулся.

— Тогда продолжайте.

Светлана поменяла объектив.

Движения стали чуть резче, чем обычно.

Она заметила это сама.

Разозлилась.

Он, к счастью, ничего не сказал.

— Встаньте к стене.

Глеб подошел к боковой части циклограммы.

— Ближе.

Еще шаг.

— Левое плечо к поверхности.

Он выполнил.

Светлана передвинула источник света.

Поставила его немного выше.

Проверила тень.

— Голову вправо.

Он повернулся.

— Нет. Слишком много.

— Команды становятся противоречивыми.

— Вы модель.

— Уже понял.

— Тогда просто делайте.

— С удовольствием.

Она снова посмотрела через видоискатель.

Теперь свет падал иначе.

Жестче.

Выделял скулу.

Шею.

Руки.

Открытый ворот рубашки.

Светлана сделала серию кадров.

Просмотрела.

И недовольно нахмурилась.

— Что не так? — спросил Глеб.

— Ворот.

— Что с ним?

— Слишком аккуратный.

— Простите.

— Не двигайтесь.

Она отложила камеру.

Подошла.

Только собиралась поднять руку, чтобы поправить ткань,
но остановилась.

Между ними было меньше полуметра.

Светлана видела каждую мелочь.

Темную щетину.

Линию его губ.

Едва заметный шрам возле подбородка, которого не замечала в кабинете.

Запах древесного парфюма оказался гораздо слабее, чем в прошлый раз.

Теперь чувствовался запах чистой ткани.

Кожи.

Она подняла руку.

Пальцы остановились в нескольких сантиметрах от воротника.

— Можно?

Глеб посмотрел сначала на ее руку.

Потом на лицо.

В его взгляде исчезла вся прежняя ирония.

— Конечно.

Светлана коснулась рубашки.

Всего лишь ткани.

Взяла край воротника двумя пальцами.

Немного оттянула.

Поправила складку.

Нужно было закончить.

Но почему-то она продолжала смотреть на линию ткани.

Как будто еще не нашла нужного положения.

В этот момент Глеб вдохнул чуть глубже.

Совсем немного.

Если бы Светлана стояла на два шага дальше, не услышала бы.

Но сейчас услышала.

Пальцы замерли.

Она почувствовала движение его груди под тканью.

Всего мгновение.

Потом отпустила воротник.

— Не отвлекайтесь, — тихо произнес Глеб.

Она подняла взгляд.

Слишком близко.

— Вы разговариваете слишком много для модели.

— А вы слишком долго поправляете воротник для фотографа.

Светлана резко отступила.

Расстояние сразу вернуло ей способность дышать нормально.

Почти.

— Хорошо.

Она взяла камеру.

— Теперь молчите.

Глеб поднял руки в жесте капитуляции.

— Ни слова.

— Я серьезно.

Он слегка кивнул.

Светлана вернулась к съемке.

Щелчок.

Вспышка.

Щелчок.

Вспышка.

Пять минут.

Десять.

Студия словно потеряла привычный масштаб.

Слышались только затвор камеры и короткий писк перезаряжающегося света.

Глеб действительно молчал.

Но напряжение не исчезало.

Наоборот.

Без слов оно стало отчетливее.

Светлана через объектив замечала то, что при обычном разговоре предпочла бы игнорировать.

Движение его груди на вдохе.

Сухожилия на предплечьях.

Тень под ключицей.

То, как одна рука иногда сжималась, а потом снова расслаблялась.

Спокойную физическую силу человека, привыкшего занимать пространство вокруг себя без всякого разрешения.

Она приблизила кадр.

Лицо.

Глаза.

Глеб снова смотрел прямо в объектив.

Светлана отвела камеру.

Впервые за много лет работы ей захотелось сделать паузу не потому, что устала.

— Десять минут, — сказала она.

— Вы устали?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что я так решила.

— Как скажете.

Глеб отошел от стены.

Светлана повернулась к столу.

Положила камеру.

Открыла бутылку воды.

Сделала несколько глотков.

— Кофе? — спросила она.

— Да.

Она подошла к кофемашине.

— Черный?

— Да.

— Сахар?

— Нет.

— Хорошо.

— Вы запоминаете предпочтения моделей?

— Только сложных.

— Значит, я сложный?

— Вы мешаете работать.

За ее спиной послышался тихий смех.

Светлана поставила чашку под кофемашину.

— Это смешно?

— Немного.

— Почему?

— Потому что вы последние сорок минут делаете отличные кадры.

— Откуда вы знаете?

— Вижу по вашему лицу.

Она нажала кнопку.

Кофемолка громко заработала.

— Я же просила не анализировать.

— Вы просили молчать во время съемки.

— Не цепляйтесь к словам.

— Работа владельца галереи — цепляться к словам художников.

Светлана поставила перед ним чашку.

— Тогда займитесь галереей.

— Сейчас занимаюсь фотографом.

Она подняла глаза.

— Проектом фотографа.

— Разумеется.

Ева часто говорила, что Светлана начинает говорить особенно правильно, когда нервничает.

Она ненавидела эту привычку.

Глеб взял чашку.

И, конечно, заметил.

Светлана это поняла по одному лишь движению его губ.

— Даже не начинайте.

— Я ничего не сказал.

— Вот именно.

— Удивительно. Теперь вам мешит даже мое молчание.

— Через пять минут продолжим.

Она ушла к компьютеру.

Открыла первые фотографии.

Глеб не подошел.

За это Светлана была ему почти благодарна.

Она быстро просмотрела серию.

Некоторые кадры оказались технически безупречными.

Но ее взгляд возвращался к одному.

Тому самому моменту после прикосновения к воротнику.

Глеб смотрел чуть в сторону от камеры.

Лицо осталось спокойным.

Но в нем появилось нечто, чего не было раньше.

Тонкое напряжение.

Почти уязвимость.

Совсем на мгновение.

Вот она.

Та самая щель в идеально собранном образе.

Светлана увеличила фотографию.

— Нашли? — спросил Глеб.

Она резко закрыла изображение.

— Что?

— То, что искали.

Он остался возле стола с кофе.

Светлана посмотрела на него.

— Возможно.

— Покажете?

— Нет.

— Почему?

— Потом.

— Я заказчик.

— А я фотограф.

— Снова это преимущество камеры.

Она откинулась на спинку кресла.

— Вам тяжело не контролировать процесс?

— Нет.

— Не верю.

— Хорошо.

Глеб поставил пустую чашку.

— Иногда.

Светлана удивилась его спокойному признанию.

— И как вы себя чувствуете?

— Прекрасно.

— Лжете.

— Учусь у вас.

Она рассмеялась.

Впервые без внутреннего сопротивления.

— Хорошо. Продолжаем.

Глеб вернулся к фону.

Светлана снова взяла камеру.

— Теперь без стены.

— Где?

— Просто стойте.

— Это очень сложное указание.

— Справитесь.

Она изменила свет.

Один источник выключила совсем.

Оставила мягкий боковой.

— Посмотрите вниз.

Он сделал.

— Теперь на меня.

Глеб поднял глаза.

Не на объектив.

На нее.

Светлана машинально нажала кнопку.

Вспышка.

Очень хороший кадр.

Но он продолжал смотреть на нее.

— В объектив, — сказала она.

Не выполнил.

— Глеб.

Он пошел вперед.

Светлана опустила камеру.

— Стойте.

Он не остановился.

Один шаг.

Еще один.

— Глеб.

Теперь остановился.

В двух шагах.

— Что?

— Я сказала стоять там.

— Вы получили нужный кадр?

— Я решу, когда получила.

Глеб посмотрел на камеру у нее в руках.

Потом протянул ладонь.

— Дайте.

Светлана даже не сразу поняла.

— Что?

— Камеру.

Она рассмеялась.

— Даже не мечтайте.

— Почему?

— Потому что это профессиональная техника.

— Я умею пользоваться камерой.

— Сомневаюсь.

— Проверим.

— Нет.

— Боитесь?

Светлана чуть приподняла бровь.

— Что вы ее уроните.

— Нет.

Его рука все еще была протянута.

— Что я посмотрю на вас так же внимательно, как вы последние сорок минут смотрите на меня.

Улыбка исчезла с ее лица.

Глеб опустил руку.

Но не отошел.

— Я работаю.

— Конечно.

— В этом заключается работа фотографа.

— Смотреть?

— Видеть.

— Есть разница?

— Огромная.

— Объясните.

Светлана крепче взяла камеру.

— Смотреть может любой.

— А видеть?

— Для этого иногда приходится замечать то, что человеку хотелось бы скрыть.

Глеб чуть наклонил голову.

— Именно это вы сейчас делаете со мной?

— Возможно.

— А если я попробую сделать то же самое?

Она почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

Не потому что вопрос был грубым.

Потому что он подошел слишком близко к правде.

— Я не модель.

— Я знаю.

— Тогда не надо менять роли.

— Почему?

— Потому что я этого не разрешала.

Несколько секунд он молчал.

Потом сделал еще полшага.

Не касаясь.

Но теперь Светлана ясно чувствовала его присутствие.

— А ваше учащенное дыхание тоже часть работы?

Вот оно.

Черта.

Светлана медленно опустила камеру.

Голос стал спокойным.

Почти холодным.

— Никогда больше не анализируйте меня без разреше-

ния.

Слова прозвучали негромко.

Но между ними будто мгновенно появилась прозрачная стена.

Глеб перестал улыбаться.

Не стал оправдываться.

Не сказал, что пошутил.

Не попытался превратить ситуацию в игру.

Он просто посмотрел ей в глаза.

И отступил.

Один шаг.

Потом еще один.

Вернув ей пространство.

— Принято.

Без иронии.

Без раздражения.

Без попытки сохранить последнее слово.

Светлана не ожидала этого.

Почему-то ей казалось, что он начнет спорить.

Скажет, что она слишком серьезно воспринимает флирт.

Что ничего такого не произошло.

Что она сама ответила на его игру.

Но Глеб не сказал ничего подобного.

Просто принял.

И именно эта мгновенная серьезность обезоружила ее сильнее любого давления.

Она несколько секунд смотрела на него.

— Хорошо.

Он кивнул.

Светлана снова подняла камеру.

— К стене.

Глеб вернулся на прежнее место.

— Да, Светлана.

Она приложила камеру к лицу.

В кадре он выглядел иначе.

Почти незаметно.

Но теперь Светлана понимала, что именно изменилось.

Он больше не пытался выиграть каждую секунду их разговора.

Стоял спокойно.

Ждал указаний.

Не нарушал расстояние.

И от этого внезапно казался еще сильнее.

Светлана сделала кадр.

Потом второй.

— Глаза чуть левее.

Он выполнил.

— Хорошо.

Еще кадр.

На этот раз она посмотрела на экран камеры и сразу поняла.

Вот он.

Не тот момент слабости, который поймала раньше.

Другой.

Лучше.

В нем была сила без демонстрации власти.

Спокойствие человека, которому сказали «нет» и который оказался достаточно уверенным, чтобы услышать это слово.

Она задержалась на фотографии.

Глеб заметил.

— Теперь нашли?

Светлана посмотрела на него поверх камеры.

— Возможно.

Он слегка улыбнулся.

— Покажете?

— После съемки.

— Это уже прогресс.

Она снова подняла камеру.

— Не разговаривайте.

— Да, Светлана.

Щелчок затвора.

Светлана неожиданно улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Спряталась за камерой прежде, чем он мог заметить.

Но было поздно.

Она поняла это по его взгляду.

Он заметил.

Конечно.

Съемка продолжалась еще почти час.

Они почти не говорили.

И странным образом именно поэтому Светлана все отчетливее чувствовала присутствие Глеба.

После последнего кадра она опустила камеру.

— Всё.

— Уверены?

— Теперь да.

Он подошел к креслу.

Надел часы.

Распустил рукава.

Потянулся за пиджаком.

— Когда будут фотографии?

— Предварительный отбор завтра.

— Приедете в галерею?

— Я могу отправить.

— Я предпочел бы посмотреть вместе.

Светлана начала собирать объективы.

— Зачем?

— Хочу увидеть, какие фотографии выбрали вы.

— И выбрать свои?

— Нет.

Она подняла глаза.

— Тогда?

Глеб надел пиджак.

— Хочу понять, что именно вы увидели.

Внутри снова возникло то самое неприятное напряжение.

Она закрыла кофр.

— Хорошо.

— Завтра в восемь?

— В семь.

— Вы ставите условия даже по времени?

— Постоянно.

Он подошел к двери.

Остановился.

— Светлана.

Она посмотрела на него.

— Что?

Глеб на секунду стал совершенно серьезным.

— Насчет сегодняшнего.

Она уже знала, о чем он.

— Не нужно.

— Нужно.

Он выдержал паузу.

— Я действительно услышал.

Светлана ничего не ответила.

Только кивнула.

Он вышел.

Дверь закрылась.

И студия снова стала ее.

Та же тишина.

Тот же свет.

Те же стены.

Но почему-то пространство казалось другим.

Светлана некоторое время просто стояла, глядя на дверь.

Потом вернулась к компьютеру.

Открыла фотографии.

Первый кадр.

Второй.

Третий.

Глеб в пиджаке.

Глеб без него.

Открытый ворот.

Руки.

Свет.

Профиль.

Взгляд.

Она быстро пролистала.

Остановилась на кадре, который сделала сразу после того,
как обозначила границу.

Черный фон.

Белая рубашка.

Одна сторона лица в тени.

Глеб смотрит в объектив спокойно.

Никакой самоуверенной улыбки.

Никакого вызова.

Только внимание.

Светлана увеличила фотографию.

И вдруг поняла, что впервые за эту съемку действительно увидела его.

Не владельца галерей.

Не мужчину из светских сплетен.

Не заказчика, который привык получать желаемое.

Человека, способного отступить, когда его попросили.

Она смотрела на снимок дольше, чем требовалось для отбора.

Телефон на столе завибрировал.

Ева.

«Ну как фотосессия с мистером Я-Все-Контролирую?»

Светлана посмотрела на фотографию.

Напечатала:

«Раздражает».

Пауза.

Добавила:

«Очень».

Ответ появился мгновенно.

«Перевожу с твоего языка: понравился».

Светлана удалила сообщение, которое уже начала писать.

Закрыла чат.

Выключила экран телефона.

Потом снова посмотрела на фотографию.

И впервые позволила себе подумать о том, что тревожило ее весь вечер.

Она ждала следующей встречи.

Не потому, что работа становилась интереснее.

Не потому, что проект мог оказаться сильным.

И даже не потому, что Глеб был красив.

Хуже.

Рядом с ним Светлана начинала замечать собственные реакции прежде, чем успевала их контролировать.

А это означало, что игра, которую она собиралась вести исключительно через объектив, уже переставала принадлежать только ей.

Глава 3. Чужой шелк

Приглашение на открытие пришло в черном конверте.

Без имени отправителя.

Без привычного списка партнеров.

Только плотная карточка цвета слоновой кости и одна строчка:

Частный вечер. Галерея «Линия». 21:00.

Ниже — имя Глеба Лебедева.

Светлана держала карточку в руке и смотрела на нее так, будто отказывалась признать очевидное.

— Ты пойдешь, — сказала Ева.

— Я ничего не сказала.

— Поэтому и понятно.

Светлана бросила приглашение на кухонный стол.

— Это рабочее мероприятие.

— Конечно.

— Там будут люди из проекта.

— Разумеется.

— Коллекционеры.

— Несомненно.

— Критики.

Ева подняла глаза от бокала вина.

— И Глеб.

Светлана посмотрела на нее.

— И Глеб.

— Вот.

— Что «вот»?

— Когда говоришь про остальных, у тебя голос как на переговорах с бухгалтерией. Когда произносишь его имя — на полтона тише.

— Ты выдумываешь.

— Я модель. Я живу тем, что замечаю, куда люди смотрят.

Светлана опустила на стул напротив.

За окном шел мелкий снег. В стекле отражалась кухня,

мягкий свет подвесных ламп и Ева — в слишком большом свитере, с собранными на макушке волосами.

Все выглядело спокойно.

Нормально.

Как будто не существовало ни второй съемки, ни фотографии Глеба, которую Светлана открывала за последние два дня чаще всех остальных.

Она объясняла себе это профессионально.

Лучший кадр серии.

Точный свет.

Нужная эмоция.

Правильная тень.

Не его взгляд.

Не момент после ее «нет».

Не то, как он отступил.

И уж точно не то, что после этого она впервые перестала видеть в нем исключительно человека, которому нужно сопротивляться.

— Что наденешь? — спросила Ева.

— Что-нибудь черное.

— У тебя всё черное.

— Значит, проблема решена.

— Нет.

Ева встала.

— Проблема только началась.

Через двадцать минут кровать Светланы выглядела так,

будто на ней произошла небольшая модная катастрофа.

Платья.

Брюки.

Жакеты.

Три пары туфель.

Ева стояла у шкафа, держа в руках длинное платье глубокого винного оттенка.

— Это.

Светлана посмотрела.

— Слишком.

— Слишком что?

— Очевидно.

— Света, это платье.

— Именно.

— Ты собираешься на арт-вечер, а не в монастырь.

— У меня есть черный костюм.

Ева повернулась к ней.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не позволю тебе прийти к Лебедеву второй раз в одежде, в которой ты могла бы проводить аудит.

Светлана забрала платье.

Ткань была мягкой.

Матовой.

Шелк ложился по ладони почти невесомо.

— Я не иду к нему.

— Конечно.

— И не собираюсь ничего ему доказывать.

— Еще лучше.

— И мне всё равно, будет ли там Варвара Соловьева.

Ева замерла.

— А вот про Варвару я не говорила.

Светлана медленно подняла глаза.

Пауза.

— Ты сама рассказывала.

— Две недели назад.

— И?

— И ты запомнила.

Светлана положила платье обратно на кровать.

— Я видела ее на фотографиях с открытий.

— Конечно.

— Она куратор.

— Да.

— Она имеет отношение к проектам Глеба.

— Бывшая девушка Глеба.

— Это не имеет значения.

Ева улыбнулась.

— Тогда надевай шелк.

— Почему?

— Потому что если тебе всё равно, тебе нечего бояться.

Светлана хотела ответить.

Не стала.

Через час она все-таки надела платье.

Галерея «Линия» занимала бывший особняк на Остоженке.

Снаружи — сдержанный фасад, белый камень, высокие окна.

Внутри — темные стены, рассеянный янтарный свет и медленная музыка без слов.

Никакой очереди.

У входа проверяли имена по списку.

Охрана знала гостей в лицо.

Светлана передала приглашение девушке у стойки.

— Светлана Горская?

— Да.

— Господин Лебедев просил проводить вас в основной зал.

Разумеется.

Светлана сняла пальто.

Охранник принял его.

Она осталась в платье.

И на несколько секунд пожалела, что послушала Еву.

Шелк мягко облегал фигуру.

Закрытый спереди.

Открытая линия спины.

Никаких украшений, кроме тонких серег.

Волосы собраны небрежнее обычного.

Светлана чувствовала себя слишком заметной.

И именно это ей не нравилось.

— Боже.

Голос Евы возник рядом.

— Ты выглядишь так, будто собираешься кого-то уничтожить.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

Ева пришла раньше и уже держала бокал шампанского.

На ней было серебристое платье с открытыми плечами.

— Он здесь? — спросила она.

Светлана посмотрела на ближайшую фотографию.

— Кто?

— Ты серьезно?

— Я пришла смотреть выставку.

— Разумеется.

— Ева.

— Вон он.

Светлана не хотела смотреть.

Но посмотрела.

Глеб стоял возле дальней стены.

Черный костюм.

Черная рубашка.

Без галстука.

Бокал в руке.

Рядом трое мужчин и женщина.

Он слушал кого-то из них.

Потом поднял взгляд.

И сразу увидел Светлану.

Не искал.

Не оглядывался.

Просто посмотрел через зал — и встретился с ней глазами.

Это длилось секунду.

Может быть, две.

Но Светлана почувствовала, будто шум вокруг стал тише.

Глеб слегка улыбнулся.

Не демонстративно.

Только ей.

И продолжил разговор.

— О нет, — сказала Ева.

— Что?

— Теперь я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Почему ты раздражаешься.

— Ева.

— Если бы на меня мужчина посмотрел через весь зал именно так, я бы тоже делала вид, что он мне неприятен.

Светлана взяла бокал с подноса официанта.

— Ты сегодня особенно полезна.

— Я стараюсь.

Они пошли дальше.

Работы были сильными.

Фотография.

Видео.

Скульптура.

Тексты на стенах.

Тема выставки — восприятие тела.

Не красота.

Не эротика.

Именно восприятие.

То, как человек видит самого себя.

Светлана остановилась перед видеоработой, где женщина медленно стирала с зеркала написанные на нем слова.

«Желанная».

«Старая».

«Красивая».

«Лишняя».

Последнее слово исчезало дольше остальных.

— Сильная работа.

Голос раздался рядом.

Светлана даже не вздрогнула.

Только повернула голову.

Глеб.

— Вы подкрадываетесь ко всем фотографам?

— Только к тем, кто не отвечает на сообщения.

— Я отвечала.

— Через семь часов.

— У меня была работа.

— Конечно.

Он посмотрел на нее.

Медленно.

Но без той демонстративной оценки, которой Светлана ожидала.

Взгляд задержался на лице.

Потом на платье.

Совсем ненадолго.

И снова вернулся к глазам.

— Вам идет этот цвет.

— Спасибо.

— Не черный.

— Я заметила.

— Ева?

Светлана прищурилась.

— Почему сразу Ева?

— Потому что вы бы сами выбрали черное.

Она сделала глоток шампанского.

— Вам нравится быть правым?

— Очень.

— Это заметно.

— А вам нравится доказывать мне обратное.

— Еще больше.

Глеб улыбнулся.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Вы пришли.

— Это рабочее мероприятие.

— Разумеется.

Светлана уже собиралась ответить, когда рядом с Глебом появилась женщина.

Сначала Светлана увидела руку.

Тонкие пальцы.

Красный маникюр.

Ладонь легко легла Глебу на плечо.

Только потом она подняла взгляд.

Варвара Соловьева.

На фотографиях она казалась холодной.

В жизни — почти ослепительной.

Высокая.

Очень светлая кожа.

Русые волосы гладко убраны назад.

Длинное платье цвета старого золота.

Шелк тек по фигуре так, словно был создан специально для нее.

Она наклонилась к Глебу.

— Я тебя везде ищу.

Слишком естественно.

Слишком привычно.

Глеб не отстранился.

— Варя.

— Ты обещал познакомить меня с новыми участниками проекта.

Он посмотрел на Светлану.

— Светлана Горская.

Варвара перевела взгляд.

Вежливая улыбка появилась мгновенно.

— Наконец-то.

Светлана слегка подняла бровь.

— Мы где-то должны были встретиться раньше?

— Нет.

Варвара протянула руку.

— Просто Глеб много говорил о ваших фотографиях.

Рукопожатие было легким.

— Надеюсь, ничего плохого.

— Наоборот.

Варвара посмотрела на Глеба.

— Он чрезвычайно увлечен.

Пауза.

Едва заметная.

— Проектом.

Светлана улыбнулась.

— Я тоже.

Ни интонация.

Ни лицо.

Ничего не должно было выдать раздражения.

Но где-то внутри оно уже появилось.

Совершенно нелепое.

Неуместное.

Детское.

Она почти разозлилась на себя.

Варвара отпустила ее руку.

— Мне особенно понравилась ваша старая серия с балериной.

Светлана удивилась.

— Вы ее знаете?

— Конечно.

— Не ожидала.

— Почему?

— Не знаю.

— Потому что я похожа на человека, который смотрит только на себя?

Ева рядом едва заметно кашлянула.

Светлана поняла, что произнесла мысль слишком прямо.

Но Варвара рассмеялась.

— Возможно, мы поладим.

Глеб молчал.

Смотрел на обеих.

Это почему-то раздражало еще сильнее.

— Светлана практически никогда не ходит на светские мероприятия, — сказал он.

— Правда?

Варвара снова оглядела ее.

— Какая редкость.

— Я предпочитаю работать.

— Очень разумно.

Ее взгляд скользнул по платью Светланы.

— Хотя сегодня вы прекрасно вписались.

Фраза звучала дружелюбно.

Почти.

Светлана улыбнулась.

— Вы так редко видите фотографов без камеры?

— В основном они стараются быть незаметными.

— Это профессиональная привычка.

— А вы сегодня не слишком стараетесь.

Вот теперь стало ясно.

Наконец.

Варвара делала это намеренно.

Не грубость.

Не нападение.

Тонкие уколы, упакованные в светскую вежливость.

Светлана мгновенно успокоилась.

Противник становился проще, как только показывал оружие.

— Наверное, мне повезло с платьем, — сказала она.

— Очень.

— Ева выбрала.

Варвара посмотрела на подругу.

— У вас прекрасный вкус.

Ева улыбнулась.

— Я старалась.

— Это заметно.

Светлана уже решила, что разговор закончится, когда Варвара снова повернулась к Глебу.

— Ты помнишь, что через двадцать минут выступление?

— Помню.

— Хорошо.

Она поправила пальцами лацкан его пиджака.

Маленький жест.

Совершенно бытовой.

И именно поэтому слишком интимный.

Как будто делала это сотни раз.

Светлана почувствовала резкое желание отвернуться.

Не отвернулась.

Глеб посмотрел на Варварину руку.

Потом на нее.

Она убрала пальцы.

— Увидимся.

— Да.

Варвара ушла.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

— Очень милая, — произнесла Светлана.

Глеб посмотрел на нее.

— Не начинайте.

— Что?

— Это.

— Я ничего не делаю.

— Именно.

Ева перевела взгляд с одного на другого.

— Кажется, я нашла знакомого.

Она ушла прежде, чем Светлана успела остановить.

Предательница.

Глеб сделал глоток из бокала.

— Вам не понравилась Варвара.

— Почему вы решили?

— По вашему лицу.

— Я думала, мы договорились не анализировать меня без разрешения.

Он сразу изменился.

— Вы правы.

И не продолжил.

Так просто.

Без игры.

Светлана почувствовала странное раздражение оттого, что теперь даже злиться было неудобно.

— Она всегда такая? — спросила она.

— Какая?

— Вежливая.

Глеб усмехнулся.

— Нет.

— Значит, мне оказана честь.

— Возможно.

Светлана посмотрела в ту сторону, куда ушла Варвара.
Она уже разговаривала с группой гостей.

Через несколько секунд снова коснулась чьей-то руки.
Улыбнулась.

Свободная.

Уверенная.

На своем месте.

Светлана внезапно почувствовала себя чужой.

Не потому, что не знала этих людей.

Она привыкла быть наблюдателем.

Ей нравилось стоять чуть в стороне.

Смотреть.

Замечать.

Но рядом с Варварой эта привычная отстраненность вдруг
показалась не независимостью.

Скромностью.

И мысль оказалась неприятной.

— Что? — спросил Глеб.

Она посмотрела на него.

— Ничего.

— Хорошо.

— Почему вы не спорите?

— Вы просили.

Он сказал это совершенно спокойно.

Светлана на мгновение растерялась.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

На другой стороне зала кто-то позвал Глеба.

Он кивнул.

— Мне нужно на несколько минут.

— Конечно.

— Не уходите.

Она подняла бровь.

— Это приказ?

Он посмотрел на нее чуть дольше.

— Просьба.

— Так лучше.

— Значит, останетесь?

Светлана сделала глоток.

— Подумаю.

Глеб улыбнулся.

— Уже знакомый ответ.

И ушел.

Она смотрела ему вслед ровно две секунды.

Потом заставила себя повернуться к фотографии.

На пятой секунде снова посмотрела.

Глеб говорил с каким-то пожилым мужчиной.

Варвара появилась рядом.

Что-то сказала.

Он наклонился, чтобы услышать.

Она коснулась его локтя.

Светлана отвернулась.

— Вот теперь всё совсем плохо.

Ева вернулась.

— Ты где была?

— Давала тебе возможность самостоятельно совершить несколько эмоциональных ошибок.

— Очень смешно.

— Не смешно.

Ева встала рядом.

— Ты ревнуешь.

Светлана резко посмотрела на нее.

— Нет.

— Хорошо.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— У нас ничего нет.

— Я знаю.

— Тогда к чему ревность?

— Обычно она именно так и работает.

— Это глупость.

— Абсолютно.

— Меня раздражает не она.

— Конечно.

— Меня раздражает он.

— Еще лучше.

— Ева.

— Света.

Подруга посмотрела ей в глаза.

— Ты последние пять минут следишь за его руками.

Светлана замерла.

— Что?

— Каждый раз, когда Варвара к нему прикасается, ты смотришь на его руки. Проверяешь, отвечает ли он.

Светлана хотела возразить.

Но сразу поняла, что именно это и делала.

Проклятье.

Она поставила бокал на стол.

— Я хочу на воздух.

— Иди.

— Ты не со мной?

— Нет.

— Почему?

Ева улыбнулась.

— Потому что он уже идет сюда.

Светлана не обернулась.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

Она ушла.

Светлана медленно досчитала до трех.

Повернулась.

Глеб действительно приближался.

— Уходите?

— На воздух.

— Я с вами.

— Не нужно.

— Хорошо.

Он остановился.

Слишком послушно.

Светлана посмотрела.

— Вы что, специально?

— Что?

— Делаете всё, что я говорю.

— Мне казалось, вам это нравится.

— Не всегда.

— Тогда вам придется быть конкретнее.

Она невольно улыбнулась.

— Идемте.

Они вышли через боковую дверь во внутренний двор.

Снег почти прекратился.

Белые хлопья медленно кружили в желтом свете фонарей.

С улицы не доносилось почти никакого шума.

Каменные стены особняка отрезали их от города.

Светлана глубоко вдохнула холодный воздух.

— Лучше?

— Да.

Глеб остановился рядом.

Не слишком близко.

— Что случилось?

— Ничего.

— Хорошо.

Она повернулась к нему.

— Вы невозможны.

— Почему?

— Вы теперь намеренно не задаете вопросы.

— Вы сказали не анализировать вас.

— Но разговаривать вам никто не запрещал.

— Светлана.

Он улыбнулся.

— Мне нужен письменный регламент.

Она рассмеялась.

Напряжение немного отпустило.

— Хорошо.

— Итак?

— Что?

— Я могу спросить, почему вы ушли?

Она задумалась.

— Можете.

— Почему?

Светлана посмотрела на падающий снег.

— Слишком много людей.

— Лжете.

Она повернула голову.

Глеб сразу поднял ладони.

— Это был вопрос.

— Нет. Утверждение.

— Исправляюсь. Вы уверены, что только поэтому?

Светлана несколько секунд молчала.

Она могла сказать да.

Проще всего.

Но после их разговора в студии ложь внезапно казалась слишком заметной.

— Нет.

Глеб ждал.

Не подталкивал.

— Меня раздражает Варвара.

— Я понял.

— Не потому, о чем вы подумали.

— Я ничего не сказал.

— Вы подумали.

— Возможно.

Она сложила руки на груди.

— Она намеренно провоцирует меня.

— Да.

Ответ оказался неожиданным.

— Вы это видите?

— Конечно.

— И ничего не делаете.

Глеб посмотрел на нее.

— Вы хотели, чтобы я вмешался?

Светлана открыла рот.

Закрыла.

— Нет.

— Тогда что я должен был сделать?

— Не знаю.

— Светлана.

Голос стал мягче.

— Варвара проверяет людей. Особенно тех, кого считает угрозой.

Светлана посмотрела на него.

— Угрозой чему?

Глеб не ответил сразу.

Вот теперь ей стало по-настоящему интересно.

— Глеб?

— Ее представлению о том, как должен выглядеть мой мир.

— И я в него не вписываюсь?

— Именно поэтому вы ее беспокоите.

— Очень лестно.

— Я не пытаюсь вам льстить.

— А что пытаетесь?

Он приблизился на шаг.

Светлана это заметила.

Но не отступила.

— Понять, почему вы последние десять минут злитесь на меня за то, что Варвара ко мне прикасается.

Светлана почувствовала, как внутри все мгновенно на-
пряглось.

— Вот теперь вы снова анализируете.

— Нет.

Он смотрел прямо ей в глаза.

— Сейчас я спрашиваю.

Тишина.

Холод.

Снег.

Где-то за дверью играла музыка.

Светлана посмотрела на него.

— Вам нравится?

— Что?

— Это.

— Что именно?

— Когда две женщины выясняют отношения из-за вас.

Глеб нахмурился.

— Нет.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что вы весь вечер не сделали ничего, чтобы
прекратить это.

— Вы хотели, чтобы я запретил Варваре подходить к вам?

— Нет.

— Запретил ей касаться меня?

Светлана замолчала.

Слишком прямой вопрос.

— Вот.

— Что «вот»?

— Вы снова хотите, чтобы я сказала вслух то, что вам и так понятно.

Глеб сделал еще один шаг.

Между ними осталось совсем немного пространства.

— Мне не понятно.

— Правда?

— Правда.

Она смотрела на него, пытаясь понять, играет ли он.

Но впервые не увидела в лице привычного удовольствия от спора.

Только внимание.

— Вы ревнуете? — спросил он.

Очень спокойно.

Светлана рассмеялась.

Коротко.

— Не льстите себе.

— Стараюсь.

— Плохо получается.

— Тогда ответьте.

— Нет.

— Хорошо.

И всё.

Никакой улыбки.

Никакого «я вам не верю».

Никакой попытки поймать ее на реакции.

Он просто принял ответ.

Светлане вдруг захотелось, чтобы он поспорил.

И это было хуже всего.

— Она ваша бывшая девушка? — спросила она.

Глеб посмотрел внимательнее.

— Да.

— Давно?

— Два года.

— Почему расстались?

— Это уже допрос?

— Да.

— Тогда мне нужен адвокат.

— Можете не отвечать.

Он немного помолчал.

— Мы плохо влияли друг на друга.

— Очень содержательно.

— Это самая дипломатичная версия.

— А недипломатичная?

— Она хотела контролировать то, что невозможно контролировать.

— Вас?

— Всё.

Светлана смотрела на него.

— А вы, конечно, вообще не любите контроль.

Глеб усмехнулся.

— Я сказал, что мы плохо влияли друг на друга.

Светлана не удержалась и улыбнулась.

— Логично.

— Мы больше не вместе.

— Я не спрашивала.

— Именно поэтому говорю.

Пауза.

— Мы не спим вместе.

Светлана резко подняла глаза.

— Глеб.

— Что?

— Зачем вы мне это сообщаете?

— Потому что именно это вы хотели спросить.

— Неправда.

— Хорошо.

— Ненавижу вас.

— Нет.

— Не будьте так уверены.

— Иногда очень близки?

Она невольно вспомнила их первый разговор.

— Очень.

Из галереи слышались аплодисменты.

Глеб посмотрел на дверь.

— Мне нужно вернуться.

— Идите.

Он сделал шаг.

Остановился.

— Светлана.

— Что?

— Вы очень красивая сегодня.

Она почувствовала, как внутри что-то мгновенно сбилось.

Простой комплимент.

Абсолютно обычный.

Но после всех их разговоров он прозвучал неожиданно.

Без подтекста.

Без игры.

— Спасибо.

Глеб кивнул.

И ушел.

Светлана осталась во дворе одна.

Через несколько секунд достала телефон.

Сообщение Еве.

«Я тебя ненавижу».

Ответ пришел сразу:

«Что случилось?»

«Ты заставила меня надеть это платье».

«И?»

Светлана посмотрела на двери галереи.

Написала:

«Он сказал, что я красивая».

Три точки появились мгновенно.

Потом:

«О боже. Вызывайте пожарных».

Светлана улыбнулась.

Убрала телефон.

Вернулась внутрь.

Через полчаса вечер стал еще многолюднее.

Светлана разговаривала с критиком, которого знала несколько лет, потом с молодым коллекционером из Петербурга.

Постепенно напряжение отступало.

Рабочие разговоры возвращали ощущение устойчивости.

Пока Варвара снова не оказалась рядом.

— Наслаждаетесь вечером?

— Да.

— Я рада.

Она встала рядом с фотографией.

— Глеб умеет устраивать красивые события.

— Это его работа.

— Не только.

Светлана посмотрела на нее.

— Вы хотели что-то сказать?

Варвара улыбнулась.

— Вы всегда так прямо?

— Когда чувствую, что разговор идет кругами.

— Тогда прямо.

Она чуть приблизилась.

— Будьте осторожны.

Светлана не ожидала.

— С чем?

— С ним.

— Почему?

— Потому что Глеб никогда не делает ничего наполовину.

— Это предупреждение?

— Совет.

— Заботливый.

— Не иронизируйте.

Впервые голос Варвары стал серьезным.

— Он любит людей, которые сопротивляются ему. Сначала.

Светлана почувствовала неприятный холод.

— А потом?

— Потом ему становится скучно.

— Это ваш опыт?

Взгляд Варвары изменился.

Попала.

— Я знаю его значительно дольше вас.

— Безусловно.

— И знаю, как он смотрит на женщину, когда чего-то хочет.

Светлана выдержала паузу.

— Тогда почему вы так нервничаете?

Варвара застыла.

Совсем ненадолго.

Но этого хватило.

— Простите?

— Если вы настолько уверены, что ему быстро станет скучно, зачем этот разговор?

Улыбка Варвары исчезла.

Светлана продолжила спокойно:

— Или вы пытаетесь предупредить меня.

Она сделала паузу.

— Или себя.

Несколько секунд женщины смотрели друг на друга.

Варвара первой отвела взгляд.

— Теперь понимаю, почему вы ему понравились.

Светлана почувствовала удар где-то под ребрами.

— Он этого не говорил.

Варвара снова улыбнулась.

— Ему не обязательно.

Она развернулась.

И ушла.

Светлана осталась стоять у фотографии.

Сердце било чуть быстрее.

Она злилась.

На Варвару.

На Глеба.

На себя.

Особенно на себя.

— Что она сказала?

Глеб снова оказался рядом.

На этот раз Светлана услышала его заранее.

— Спросите у нее.

— Спросил бы, если бы мне было интересно ее мнение.

Она повернулась.

— Тогда зачем спрашиваете меня?

— Потому что ваше интересно.

Она посмотрела ему в глаза.

— Она предупредила меня о вас.

Глеб не удивился.

— Конечно.

— Говорит, вам быстро становится скучно.

— Иногда.

Светлана не ожидала честного ответа.

— И?

— И что?

— Она права?

Глеб посмотрел куда-то поверх ее плеча.

Потом снова на нее.

— Я действительно быстро теряю интерес к людям, которые пытаются быть теми, кем, как им кажется, я хочу их видеть.

— А если человек не пытается?

— Тогда становится сложнее.

— Почему?

Его взгляд задержался на ней.

— Потому что появляется риск.

— Какой?

— Что интерес перестанет быть игрой.

Светлана почувствовала, что воздух между ними снова изменился.

Слишком близко к чему-то, для чего она еще не придумала правильного ответа.

— Мне пора, — сказала она.

— Я вас подвезу.

— Не нужно.

— Светлана.

— Это не спор.

— Знаю.

Он посмотрел на часы.

— Сейчас почти полночь.

— Я вызову машину.

— Уже вызвали?

— Нет.

— Тогда я подвезу.

Она чуть прищурилась.

— Это снова приказ?

— Нет.

Он подошел ближе.

— Очень настойчивая просьба.

— Вы не умеете просить.

— Учусь.

Светлана посмотрела на него.

Потом на зал.

Варвара стояла вдалеке.

И наблюдала.

Это окончательно решило вопрос.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Не заставляйте меня повторять.

Глеб улыбнулся.

— Даже не собирался.

Через несколько минут они спускались по лестнице к выходу.

Светлана надела пальто.

Глеб помог ей, придерживая ткань у плеч.

Его пальцы не коснулись кожи.

Но она все равно ощутила движение.

Слишком ясно.

У входа ждала черная машина.

Он открыл дверь.

Светлана остановилась.

За стеклом галереи стояла Варвара.

Золотой шелк.

Безупречная осанка.

Спокойное лицо.

И взгляд, который был совсем не спокойным.

Светлана села в автомобиль.

Глеб закрыл дверь.

Обошел машину.

Через несколько секунд занял место рядом.

В салоне было темно.

Тихо.

Снаружи по стеклу медленно скользили снежинки.

Машина тронулась.

Светлана смотрела в окно.

— Вы всё еще злитесь? — спросил Глеб.

— Нет.

— Хорошо.

— И перестаньте так говорить.

— Как?

Она повернулась.

— Будто знаете, что это неправда.

Он посмотрел на нее.

— А это неправда?

Светлана не ответила.

Глеб тоже больше ничего не сказал.

И почему-то его молчание оказалось гораздо опаснее всех слов.

Потому что теперь между ними находилось не только любопытство.

Не только профессиональный интерес.

Не только игра.

Появилось что-то значительно менее удобное.

Ревность.

Светлана еще не была готова назвать ее своей.

Но уже понимала:

Варвара Соловьева появилась в этой истории вовсе не для того, чтобы напомнить Глебу о прошлом.

Она появилась, чтобы заставить Светлану признать настоящее.

Глава 4. Первое прикосновение

В машине они молчали.

Снег ложился на лобовое стекло крупными влажными хлопьями и почти сразу исчезал под щетками.

За окнами Москва медленно растворялась в позднем вечере — фонари расплывались золотыми пятнами, красные огни машин тянулись длинными отражениями по мокрому асфальту, редкие прохожие прятали лица в воротники.

Светлана сидела, повернувшись к окну.

Она специально смотрела наружу.

На витрины.

На светофоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.